

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра романо-германской филологии
и переводоведения

**Семантические модели во фразеологии (на примере
английских и русских ФЕ семантической группы «Клевета,
сплетни, злословие»)**

АВТОРЕФЕРАТ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ МАГИСТРА

студента 2 курса 254 группы
направления 45.04.01 «Филология»
профиля «Современные европейские языки и перевод»

Лычкина Ивана Сергеевича

Научный руководитель
к.ф.н., доцент

подпись, дата

Вражнова И.Г.

Зав. кафедрой
к.ф.н., доцент

подпись, дата

Харламова Т.В.

Саратов 2026

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объектом настоящего исследования являются фразеологические единицы (далее — ФЕ) русского и английского языков, входящие в состав семантической группы (далее — СГ) «Клевета, сплетни, злословие».

Предметом исследования являются семантические (метафорические) модели, лежащие в основе мотивации значения данных фразеологических единиц, их универсальные и национально-специфические черты, а также типы межъязыковой фразеологической эквивалентности.

Актуальность работы обусловлена следующим. Во-первых, в современной лингвистике продолжаются дискуссии о природе фразеологизма, его категориальных признаках, объёме фразеологии и месте фразеологизма в системе языка. Во-вторых, активно развивается когнитивно-культурологическое направление в исследовании фразеологии, в рамках которого фразеологизм рассматривается как знак, хранящий и транслирующий культурную информацию и участвующий в формировании языковой картины мира. В-третьих, особую значимость приобретает проблема семантического моделирования во фразеологии — выявления регулярных метафорических моделей, лежащих в основе мотивации фразеологического значения, что стало возможным благодаря развитию теории концептуальной метафоры. В-четвёртых, сопоставительное изучение фразеологических систем русского и английского языков, выявление универсального и национально-специфического в принципах образной номинации остаётся одной из наиболее сложных и востребованных задач как для теории, так и для практики перевода.

Цель исследования — выявить и описать семантические модели, лежащие в основе фразеологических единиц СГ «Клевета, сплетни, злословие» в русском и английском языках, установить универсальные и национально-специфические принципы их метафорической мотивации и определить типы межъязыковой фразеологической эквивалентности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. рассмотреть теоретические основы изучения фразеологии в русской и англоязычной лингвистических традициях, а также аппарат теории концептуальной метафоры как методологическую базу исследования;
2. методом сплошной выборки установить корпус русских фразеологизмов СГ «Клевета, сплетни, злословие» и их английских соответствий и дать им общую функционально-стилистическую, лексико-грамматическую и структурно-семантическую характеристику;
3. выявить и описать метафорические модели, лежащие в основе значения исследуемых ФЕ, в сопоставительном аспекте;
4. установить типы межъязыковой фразеологической эквивалентности русско-английских соответствий и их зависимость от характера лежащей в основе ФЕ метафорической модели.

Методологической базой исследования являются теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), теория метафорического моделирования (А. П. Чудинов) и теория конвенциональной образности (Д. О. Добровольский, Э. Пиирайнен), исходящие из положения о взаимосвязи языковых, когнитивных и культурных процессов. Цель и задачи исследования обусловили применение комплексной методики анализа, включающей метод фразеологической идентификации, компонентный анализ словарных толкований, метод анализа метафорической модели с опорой на фреймово-слотовую структуру, а также контекстуальный и сопоставительный методы.

Материалом исследования послужили 52 русских фразеологизма, входящих в состав СГ «Клевета, сплетни, злословие», извлечённые методом сплошной выборки из фразеологических и толковых словарей русского языка, и их 52 английских соответствия, установленные по авторитетным англоязычным лексикографическим источникам.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые проведён комплексный сопоставительный анализ семантических моделей, лежащих в основе русских и английских фразеологизмов СГ «Клевета, сплетни,

злословие», с опорой на аппарат теории концептуальной метафоры, установлены универсальные и национально-специфические принципы их метафорической мотивации, а также их связь с типами межъязыковой эквивалентности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фразеологические единицы семантической группы «Клевета, сплетни, злословие» в русском и английском языках в абсолютном большинстве являются эмоционально-экспрессивными единицами с негативной оценочностью, что обусловлено семантикой группы — номинацией коммуникативных практик, традиционно осуждаемых языковым коллективом.

2. В основе мотивации значения исследуемых ФЕ в обоих языках лежит ограниченный набор метафорических моделей, большинство из которых может быть отнесено к универсальным, опирающимся на общий физический и социальный опыт носителей разных языков.

3. Тип межъязыковой эквивалентности фразеологических соответствий (полные эквиваленты, частичные эквиваленты, аналоги, безэквивалентные единицы) напрямую зависит от степени универсальности лежащей в их основе метафорической модели: универсальные модели обеспечивают полные и частичные эквиваленты, тогда как национально-специфические модели, мотивированные конкретными культурно-историческими реалиями, обрядами и поверьями, образуют зону безэквивалентной фразеологии.

Практическая значимость работы заключается в том, что её выводы и конкретный языковой материал могут быть использованы при чтении курсов по лексикологии, фразеологии, лингвокультурологии и теории перевода русского и английского языков, а также в лексикографической практике.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и двух приложений, содержащих корпуса исследованных русских и английских фразеологизмов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Теоретические основы исследования семантических моделей во фразеологии» рассмотрены проблемы определения и типологии фразеологизма, роль внутренней формы в мотивации фразеологического значения, а также теоретический аппарат когнитивного исследования фразеологической семантики.

В современной лингвистике вопрос определения фразеологизма остаётся дискуссионным, что обусловлено сложностью и многоаспектностью данного языкового явления. Фразеологизм понимается как устойчивый, воспроизводимый в готовом виде словесный комплекс, значение которого не выводится из суммы значений его компонентов [1, с. 27]. В англоязычной традиции основоположником отечественной школы английской фразеологии является А. В. Кунин, определяющий фразеологическую единицу как устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением при высоком удельном весе коннотативного аспекта. Среди категориальных признаков ФЕ исследователи наиболее регулярно выделяют неоднословность, устойчивость, идиоматичность, воспроизводимость и экспрессивность, причём эти признаки выделяются как в русской, так и в английской лингвистических традициях, что создаёт прочную основу для сопоставительного исследования.

При определении объёма фразеологии принято разграничивать узкое и широкое её понимание: при узком понимании в состав фразеологии включаются единицы, выполняющие номинативную функцию, при широком — также пословицы, поговорки и иные коммуникативные единицы. В настоящей работе принято узкое понимание, а в качестве ядра фразеологической системы рассматриваются идиомы, обладающие наиболее яркой образной мотивацией, релевантной для анализа метафорических моделей.

Рассмотренные признаки задают параметры типологии ФЕ. В классической классификации В. В. Виноградова основным критерием

выступает степень семантической связанности (идиоматичности): выделяются фразеологические сращения, единства и сочетания; Н. М. Шанский дополняет её фразеологическими выражениями [2, с. 69]. В современной фразеологии авторитетной считается типология А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, выделяющих идиомы, коллокации, пословицы, грамматические фразеологизмы, фразеологизмы-конструкции и ситуативные клише, причём принадлежность единицы к тому или иному разряду определяется не одним признаком, а их совокупностью и градуируется по степени выраженности [1, с. 69].

Особое значение для исследования имеет понятие фразеологического значения, которое большинством исследователей трактуется как особый тип языкового значения с повышенной значимостью экспрессивно-оценочной зоны. Ключевую роль в формировании фразеологического значения играет внутренняя форма — образ, лежащий в основе выражения и мотивирующий его переносное значение (например, в идиоме *перемывать косточки* буквальный образ восходит к обряду «второго захоронения»). Именно реконструкция внутренней формы позволяет установить метафорическую модель, лежащую в основе идиомы; там, где внутренняя форма утрачена (фразеологические сращения), образ восстанавливается этимологически.

Методологическим ядром работы выступает теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой метафора является не фигурой речи, а способом мышления: понятийная система человека по своей сути метафорична, и абстрактные понятия осмысляются через более простой, телесно воспринимаемый опыт [3, с. 5]. Фундаментальным является тезис о телесной обусловленности мышления (*embodiment*): именно общность телесного опыта объясняет универсальность многих метафорических моделей в различных языках. В работе «Метафоры, которыми мы живём» выделяются три основных типа концептуальных метафор — структурные, ориентационные и онтологические; границы между ними не являются

жесткими, и в семантике одной идиомы нередко совмещаются признаки разных типов.

Регулярные метафорические переносы в основе внутренней формы идиом описываются в виде устойчивых метафорических моделей с фреймово-слотовой структурой. Опираясь на схему А. П. Чудинова [4], в структуре модели выделяют исходную понятийную область (сферу-источник), новую понятийную область (сферу-мишень), фреймы (фрагменты наивной картины мира) и слоты (элементы, конкретизирующие фрейм), где под фреймом понимается структура данных для представления стереотипной ситуации. Так, в модели «грязь» сфера-источник — физическое загрязнение, фрейм «загрязняющее вещество» заполняется слотами *грязь, помой, дерьмо*, а фрейм «способ нанесения» — слотами *бросать, лить, обливать, втаптывать*. Достоинство такого описания состоит в том, что оно позволяет наглядно сопоставлять реализацию одной модели в двух языках.

Поскольку исследование носит сопоставительный характер, принципиальное значение приобретает вопрос о соотношении универсального и национально-специфического в концептуальной метафоре. Согласно теории Дж. Грэди, следует разграничивать первичные (корреляционные) метафоры, опирающиеся на общий телесный опыт и потому универсальные, и сложные (комплексные) метафоры, обусловленные культурой. Теория вариативности метафоры З. Кёвечеша описывает измерения и причины межъязыковых различий, отмечая, что даже универсальные метафоры при актуализации приобретают культурный «оттенок». В рамках теории конвенциональной образности Д. О. Добровольского и Э. Пирирайнен показано, что культурное знание играет ключевую роль в мотивации образных единиц, а кажущаяся межъязыковая эквивалентность идиом нередко оборачивается «ложными друзьями» переводчика [5, с. 15].

Во второй главе «Семантические модели фразеологических единиц семантической группы «Клевета, сплетни, злословие» в русском и английском языках» даётся общая характеристика исследуемых ФЕ,

анализируются лежащие в основе их значения метафорические модели в сопоставительном аспекте и устанавливаются типы межъязыковой эквивалентности.

С функционально-стилистической точки зрения большинство членов группы в обоих языках относится к сниженным (разговорным, просторечным) единицам (80,8 % в русском, 61,5 % в английском), что обусловлено семантикой группы — номинацией традиционно осуждаемых коммуникативных практик. В английском языке доля формальных (книжных) единиц несколько выше (13,5 % против 9,6 %), что может быть связано с более развитой юридической и публицистической терминологией, обслуживающей понятия клеветы и диффамации. В лексико-грамматическом отношении в обоих языках преобладают глагольные ФЕ (90,4 % в русском, 88,5 % в английском), называющие сам процесс распространения порочащей информации, что объясняется процессуальным характером обозначаемых явлений. По степени идиоматичности доминируют фразеологические единства с осознаваемой внутренней формой (84,6 % в русском, 73,1 % в английском), что обосновывает применение метода анализа метафорической модели. Абсолютное большинство членов группы в обоих языках являются эмоционально-экспрессивными единицами с негативной оценочностью.

Анализ словарных толкований позволил разграничить три семантические подгруппы (далее — СПГ) по содержательно-прагматическому типу порочащей информации, способу её распространения и целеполаганию субъекта речи. В СПГ1 «Клевета» (20 ФЕ, 38,5 %) цель субъекта — опозорить объект; способ — сознательное распространение заведомо ложной информации; характер распространения — открытый, публичный. В СПГ2 «Сплетни» (9 ФЕ, 17,3 %) цель — вызвать сомнение в добропорядочности объекта; характер распространения — непубличный, анонимный. В СПГ3 «Злословие» (23 ФЕ, 44,2 %) цель — создать негативное представление об объекте в силу личной неприязни или личностных свойств субъекта; способ — недоброжелательное обсуждение качеств объекта. В статистическом

отношении ядро группы образует наиболее многочисленная СПГ «Злословие», что свидетельствует о концептуальной значимости тех видов коммуникации, в которых субъект ярко проявляет порочность своей натуры.

Ядро СПГ «Клевета» образует универсальная структурная модель «БЕЗНРАВСТВЕННОЕ — ЭТО ГРЯЗНОЕ» (*лить грязь — throw mud at someone; обливать помоями — pour mud on someone*), которая объединяет абсолютное большинство ФЕ подгруппы и обеспечивает полные и частичные эквиваленты. Наряду с ней выделяется восходящая к евангельскому прецеденту модель «наказание камнем» (*бросать камень — cast a stone at someone*), а также национально-русские модели — «строительная» (*возводит напраслину*, где клевета осмысляется как «постройка» из ложных обвинений) и сакрально-ритуальная (*вешать всех собак*, где образ восходит к обряду наведения порчи). Две последние модели не имеют прямых соответствий в английском языке и образуют зону безэквивалентности.

В СПГ «Сплетни» ядерной является универсальная модель «ПОРОЧАЩЕЕ — ЭТО ТЁМНОЕ» (*бросать тень — cast a shadow on someone*), опирающаяся на первичную, телесно обусловленную ассоциацию тьмы с дурным и дающая полные эквиваленты. Наряду с ней представлены смягчённая карательная модель (*кидать камешки из-за угла*, где акцентируется скрытность нападения) и специфичная для русского языка модель «нашёптывания в ухо» (*дуть в уши, петь в уши*), в которой передача информации осмыляется через «неинформативные» глаголы, имплицитные пустоту и лживость сообщаемого.

В наиболее многочисленной и диффузной СПГ «Злословие» выявлено наибольшее разнообразие моделей. Соматическая модель «язык» (*молотить языком, злые языки — wag one's tongue, wagging tongues*) представляет орган речи как самостоятельный «субъект» злоречия. Модель «поедания» (*попасть на зубок — be chewed out; чесать зубы*) осмыляет объект злословия как пищу. Универсальные модели «грязного белья» (*копаться в чужом белье — air someone's dirty laundry*) и «ярлыка» (*наклеивать ярлыки — stick labels on*

someone) дают полные эквиваленты. Особое положение занимают национально-специфические культурно-исторические сращения с утраченной внутренней формой: *перемывать косточки* (от обряда «второго захоронения»), *лить колокола* (от поверья о распускании слухов при отливке колокола), *сарафанное радио* [6, с. 461]; их образная основа понятна только в русской культуре, и они являются безэквивалентными.

Сопоставление обнаруживает чёткую закономерность: степень межъязыковой эквивалентности ФЕ напрямую зависит от степени универсальности лежащей в их основе метафорической модели. Фразеологические соответствия распределены по четырём типам: полные эквиваленты (28,9 %), частичные эквиваленты (36,5 %), функциональные аналоги (19,2 %) и безэквивалентные единицы (15,4 %). Универсальные модели, опирающиеся на общий телесный и социальный опыт (грязь, тень, грязное бельё, ярлык) либо на общий прецедентный источник (наказание камнем), обеспечивают полные и частичные эквиваленты; относительно универсальные соматические модели (язык, поедание) дают частичные эквиваленты и функциональные аналоги; национально-специфические модели образуют зону безэквивалентной фразеологии. Преобладание частичных эквивалентов (наибольшая группа) свидетельствует о том, что концептуальные основания фразеологии двух языков во многом совпадают, а зона полного расхождения образности остаётся сравнительно узкой.

Установленная зависимость имеет прикладное значение, поскольку программирует выбор переводческой стратегии: для универсальных моделей подходит готовый фразеологический эквивалент, при различии образа — функциональный аналог (*перемывать косточки* → *dish the dirt*), а для безэквивалентных единиц — калькирование или описательный перевод. При этом наибольшую переводческую трудность представляют не безэквивалентные единицы, а «ложные друзья» — формально близкие соответствия, за внешним сходством которых скрываются расхождения в образе, стилистической окраске и наборе коннотаций (так, *кидать камешки*

из-за угла и *backstab* расходятся в акцентируемом признаке — анонимность против вероломства).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе проведён комплексный сопоставительный анализ семантических моделей, лежащих в основе 52 русских фразеологизмов семантической группы «Клевета, сплетни, злословие» и их английских соответствий. Исследование выполнено в рамках современной антропоцентрической научной парадигмы с опорой на аппарат теории концептуальной метафоры.

Установлено, что фразеологические единицы исследуемой группы в обоих языках в абсолютном большинстве являются эмоционально-экспрессивными и негативно оценочными, а в их основе лежит ограниченный набор метафорических моделей. Большинство этих моделей опирается на общий телесный и социальный опыт носителей разных языков и потому является универсальным; наряду с ними выделяются национально-специфические модели, мотивированные конкретными культурно-историческими реалиями, обрядами и поверьями.

Главным результатом исследования стало установление прямой зависимости типа межъязыковой эквивалентности от степени универсальности лежащей в основе ФЕ метафорической модели: универсальные модели обеспечивают полные и частичные эквиваленты, относительно универсальные — частичные эквиваленты и функциональные аналоги, а национально-специфические образуют зону безэквивалентной фразеологии. Тем самым подтверждается, что метафорическое моделирование является эффективным инструментом сопоставительного изучения фразеологии, позволяющим вскрыть концептуальные основания сходств и различий фразеологических систем двух языков.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением материала за счёт привлечения ФЕ данной семантической группы из других языков, с анализом функционирования исследованных единиц в различных

типах дискурса, а также с применением разработанной методики к другим семантическим группам фразеологии.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
2. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. СПб.: Спец. лит., 1996. 192 с.
3. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
4. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
5. Dobrovol'skij D. O., Piirainen E. *Figurative Language: Cross-cultural and Cross-linguistic Perspectives*. Amsterdam: Elsevier, 2005. 419 p.
6. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.